

А. Ранович

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА МАЛОЙ АЗИИ

Источники единодушно сообщают, что Александр, завоеывая Азию, освобождал эллинские города. А р р и а н рассказывает (I, 17, 4), что Александр «предоставил сардийцам и прочим лидийцам пользоваться старыми лидийскими законами и сделал их свободными (ἐλευθέρους εἶναι ἄφθικεν). Из Эфеса Александр «отправил Алкимаха, сына Агафокла, с немалой силой на эолийские города и те из ионийских городов, которые еще оставались под властью варваров, и приказал ему всюду низвергать олигархии и устанавливать демократию, вернуть каждому городу его собственные законы и освободить от податей, какие они платили варварам» (I, 18, 12). О том же сообщает и Д и о д о р (XVII, 24, 1). Идея освобождения греческих городов из-под власти персов была популярна со времени греко-персидских войн, а панэллинизм, пропагандируемый особенно Исократом, стал лозунгом внешней и внутренней политики Филиппа; под этим лозунгом Филипп легализовал свое добытое силой оружия положение ἡγεμών'а Коринфской лиги и στρατηγὸς αὐτοκράτωρ для предстоящего похода в Азию. Направив Аттала и Пармениона в Азию, Филипп поручил им «освободить эллинские города» (D i o d., XVI, 91, 2). И даже если бы не было прямых свидетельств античных авторов и надписей, надо было бы а priori предположить, что Александр освобождал эллинские города; без этого война не могла бы быть популярной. А при тех малых военных силах, денежных и материальных средствах, какими располагал Александр в начале своих азиатских походов, ему совершенно необходимо было обеспечить свой тыл, заручившись симпатиями и реальной поддержкой освобождаемых греческих (и не греческих) городов. Восстановление демократии в завоеванных греческих городах также диктовалось в первую очередь не демократическими убеждениями, а военными соображениями—тираны и олигархи держали сторону персов. Что и на первых шагах своей деятельности Александр не был принципиальным врагом тиранов и олигархов, мы имеем и прямое свидетельство в надписи из Эреса о суде над тираном Агониппом (OGIS, 8): ему между прочим вменяется в вину, что он явился к Александру и оклеветал перед ним граждан. Но независимо от военных соображений Александр должен был считаться с тем, что поход в Азию был предпринят от имени Коринфской лиги для освобождения эллинов (D i o d., XVI, 2', 1); после Граника он отправил доблчу в Афины в дар богине Афине от имени «Александра, сына Филиппа, и эллинов, кроме лакедемонян» (A r g., I, 16, 7; P l u t., Al., 16).

В последнее время, однако, политика Александра по отношению к греческим городам подвергнута сомнению. В 1934 г. Э. Бикерман выступил с опровержением «пущенной Дройзенем бездоказательной (?) мысли», будто Александр вернул свободу греческим городам в Азии¹. В. Эренберг, посвятивший этой теме специальную монографию², считает, что Бикерман сделал важное открытие, и сам развивает и уточняет положения Бикермана.

Концепция Бикермана, соблазнившая и кое-кого из советских историков,—образец буржуазного формализма, оперирующего отвлеченными юридическими категориями. Она основана на чисто формальном подходе к исследуемой теме. Он выдвигает вначале два «простых постулата»: 1) Александр вел войну против Персии; 2) Александр принимал законы войны своего времени. Отсюда он делает вывод, что все действия Александра определяются его ролью завоевателя.

«Простые» постулаты Бикермана, однако, отнюдь не так просты, как ему кажется. Александр воевал с персами; но он воевал в конкретных исторических условиях, выдвигавших перед завоевателем специальные задачи, субъективные и объективные, настолько сложные, что из одного факта ведения войны никак нельзя вывести всех последствий войны и всех политических мероприятий, неразрывно связанных с этой войной. Да и сама война была—и это основное—результатом сложного исторического процесса, приведшего к кризису эллинических государств и крушению персидской державы.

Что касается второго постулата Бикермана, он просто неверен. Как бы мы ни расценивали личность самого Александра, не подлежит сомнению, что завоевания Александра означали такой переворот во взаимоотношениях между победителями и побежденными, какого мир до него не знал. Современники Александра, античные историки и философы, лучше поняли сущность и характер политики Александра. Именно в действиях Александра как завоевателя Плутарх усматривает основание причислить его к философам (*de fort. Al.*, 432 F).

Еще более формально подходит Бикерман к вопросу об отношении Александра к Персии и Элладе. По его мнению, Александр применял здесь *ius talionis*: персы в свое время ограбили Грецию—Александр грабил Персию; персы жгли греческие города—Александр сжег Персеполь; персы заняли территорию Эллады—Александр захватил территорию Персии; но персы *не* захватили и *не* удержали ни одного города в Элладе—Александр не счел нужным отдать Элладе какой-нибудь из завоеванных им городов. Именно поэтому, руководствуясь *ius talionis*, Александр не включил освобожденных от персидского владычества азиатских городов в состав Коринфской лиги.

Это рассуждение Бикермана свидетельствует лишь о том, к каким неверным выводам может привести формально-юридический подход к историческим событиям³.

¹ E. Bickermann, *Alexandre le Grand et les villes d'Asie*, REG, 47 (1934), стр. 346 сл.

² V. Ehrenberg, *Alexander and the Greeks*, Oxf., 1938.

³ Исходя из таких же бессодержательных формальных рассуждений, А. Неусс (*Stadt und Herrscher des Hellenismus*, «Klio», Beih. 39, 1937) приходит к диаметрально противоположному выводу, будто подчиненные эллинистическим монархиям города были вполне суверенны и лишь поддерживали внешнюю политику монархов. Спорить с точкой зрения Неусса нет смысла. Его книга, как отмечалось в печати, просто невежественна. Автор не знает материала, а тех материалов, которые ему известны, он не понимает. Даже греческого языка он не знает и, напр., εἶναι τὴν πόλιν ἐλευθέρην («быть городу свободным») он переводит изъяснительным наклонением и делает отсюда соответствующий вывод.

Что означала свобода, которую провозглашал Александр? В это понятие иные историки вкладывают некое неизменное содержание; но в древности оно имело в разных политических условиях разное значение. Ἐλευθερία означала между прочим свободу от долгов, и в деловых документах так обозначается имущество, свободное от долговых обязательств. В этом смысле применяет этот термин Антигон в письме к Теосу; у него получается даже как бы каламбур; он говорит о своих заботах о финансовом благополучии города¹: συντάσσομαι ταῦτα θεωροῦντες ὅπως ὧν ἀφείλουσιν αἱ πόλεις ἐλευθεραὶ γένωνται νομίζοντες γὰρ ὑμᾶς τό γε ἐφ' ἡμῖν εἶναι τᾶλλα ἐλευθέρους καὶ αὐτοῦς μοὺς πεπονηκένας κτλ («мы это устанавливаем для того, чтобы города стали свободны от долгов, полагая, что, поскольку это от нас зависит, мы и в других отношениях сделали вас свободными и независимыми...»). В договоре между Антигоном и Полиперхонтом предусматривается εἶναι δὲ καὶ τοὺς Ἑλλήνας ἅπαντας ἐλευθέρους ἀφρορήτους αὐτοῦς μοὺς (D i o d., XIX, 61, 3). В других случаях встречается αὐτόνομος καὶ ἀφορολόγητος (W e l l e s, 15, 23, 26); ἱερά καὶ ἄσολος, καὶ ἀφορολόγητος (W e l l e s, 35, 6, 8); ἐλευθερία καὶ αὐτονομία (W e l l e s, I, 55). Принято считать, что все эти термины, называемые рядом с ἐλευθερία, составляют собственно содержание понятия ἐλευθερία — отсутствие гарнизона, собственная конституция (αὐτονομία), свобода от подати; в содержание автономии включают также право чеканки монеты. Но означает ли ἐλευθερία в то же время государственный суверенитет?

Коринфская лига составляла формально союз суверенных государств, основанных на договоре. В присяге члены лиги обязываются ἐμμενῶ [τῆι συμμαχίαι καὶ οὐ λύσω τὰς συνθήκας τὰς πρὸς Φίλιππον Μακεδῶνα οὐδ] ἐπὶ ἄλλῃ ἐπί πηρονῆι ἐπ' οὐδένα τῶν] ἐμμενόντων ἐν τοῖς ὄρεσι οὐτε κατὰ γῆν] οὐτε κατὰ θάλασσαν οὐδὲ πόλιν οὐδὲ φρούριον καταψομαι οὐδὲ λιμένα ἐπὶ πολέμῳι οὐδενὸς τῶν τῆς εἰρήνης κοινονούντων τέγγηι οὐδεμ[α] οὐδὲ μηχανῆι οὐδὲ τῆν βασιλείαν [τῆν Φιλίππου καὶ τῶν ἐχθρῶν] καταλύσω δδὲ (sic) τὰς πολιτείας τὰς οὐσας] παρ' ἐκάστοις κτλ². Здесь мы имеем формальную симмахию, и соответствующая реконструкция текста Вилькеном (συμμαχίαι в стр. 4) не вызывает сомнения. Но эта «добровольная» симмахия суверенных государств — результат поражения эллинских свободных полисов при Херонее, давшего Филиппу господство над Элладой. Суверенитет входящих в симмахию полисов имеет не больше значения, чем суверенитет городов по отношению к Антигону и Деметрию Полиоркету в эпидаврской надписи 302 г., сформулированной в тех же выражениях³.

В период диадохов ἐλευθερία теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета. Антигон печется о «свободе» Теоса, распоряжаясь городом как полновластный хозяин. В другом документе, в своем манифесте 311 г. (W e l l e s, 1), Антигон пишет греческим городам (сохранившийся в надписи экземпляр адресован Скепису), что он заботится о свободе эллинов и что в соглашении между ним и коалицией Кассандра, Лисимаха и Птолемея оговорено, что все греки должны принести клятву «взаимно охранять свободу и автономию»; Скепис откликнулся на манифест Антигона декретом об увенчании его и его сыновей и об учреждении ему культа (OGIS, 8). Это, однако, не помешало Антигону вскоре принудить Скепис к синойкизму с основанным им городом Антигония Трояда (позднее Александрия Трояда). Свобода не означает даже освобождения от подати, которое должно оговориться особо. Но нет основания думать, что в этом, как и в многочисленных других слу-

¹ C. B. W e l l e s, Royal Correspondence, № 3, стр. 87 сл.

² SIG³, 260: U. W i l c k e n, Philipp II von Makedonien und die panhellenistische Idee, B., 1929.

³ SPAW, 1927, стр. 14—15.

чаях, мы имеем с обеих сторон одно лишь лицемерие. Ведь города дорожили этой свободой и домогались ее. Ἐλευθερία не означала суверенитета; но она для того времени означала самоуправление, свою гражданственность, свои νόμοι, свободу распоряжения земельной территорией, принадлежащей городу. Конечно, в то время, к которому относятся походы Александра, существовали действительно свободные суверенные полисы (например, Спарта), и свобода не стала фикцией. Ламийская война показала, что стремление к сохранению действительной независимости и свободы не было подавлено у греков ни Филиппом, ни Александром, ни Антипатром. Но именно политика Александра, направленная к созданию единой мировой монархии, должна была изменить содержание понятия Ἐλευθερία, которая в своем прежнем значении несовместима с суверенитетом монарха, с включением всей завоеванной территории вместе с Элладой в единое государство.

Что касается греческих и эллинизированных городов на Востоке, то их освобождение мыслилось, с точки зрения эллинов, как освобождение только от персидской власти. Этим отчасти объясняется, что не все греческие города в Малой Азии с энтузиазмом встречали Александра и не только Тир, Газа, Галикарнасс, но и Аспенд, Сиде, Солы оказали ему сопротивление. В процессе завоевания у Александра все больше укреплялась идея мирового государства, и старые панэллинские лозунги утрачивали свою актуальность, все меньшую роль играли в политике завоевателя.

Таким образом, понятие «свободы» изменило свое содержание; если, может быть, вначале мерещилась картина панэллинского союза, куда входили бы и азиатские πόλεις ἑλληνίδες под эгидой македонского царя, то уж во всяком случае после битвы при Иссе об этом не могло быть речи. «Свобода» была не свободой классического полиса с его автаркией и ограниченностью, а свободой в смысле противопоставления восточной деспотии, в смысле включения в качестве автономной единицы в систему нового типа государства, до тех пор не известного. Только о такой свободе и может идти речь, когда говорят об освобождении городов Александром.

В первый период войны панэллинская идея, конечно, еще задавала тон в политике. Мало того, Александру еще надо было утвердить свое право выступать от имени эллинов не только по праву победителя, но и как наследнику великой эллинской культуры, ее паладину. Он выступал в роли нового Ахилла. Поэтому он первую добычу посвящает Афине; он принимает от Милета почетную должность стефанефора-эпонима на 334/3 год. В Приене от его имени освящается храм Афины-Полиады (SIG³, 277). Он хотел, чтобы и в Эфесе на вновь выстроенном после Геростратова пожара храме Артемиды красовалось его имя, обещав за это возместить все прошлые и будущие расходы на храм. Впрочем, эфесцы отклонили это предложение под благовидным предлогом, что не подобает богу делать подношения богам (S t r a b., XIV, 641). Особенно много заботы он проявил об Илионе. «Нынешний город Илион был в то время, говорят, деревушкой... Александр после победы при Гранике, прибыв туда, украсил святилище приношениями, объявил Илион городом, предписал эпимелетам отстроить его, объявил его свободным и освобожденным от подати» (S t r a b., XIII, 593). Но уже жестокая расправа с Фивами¹ показала, что с самого начала на первом месте стояло у Александра укрепление собственной власти для осуществления планов завоеваний на Востоке.

Освобождение городов Азии не могло в то время означать предоставле-

¹ В и л ь к е н («Alexander der Grosse», стр. 66) видит в этом акте выражение преданности Александра... панэллинской идее! Вот до чего может овести формально-юридическое отношение к историческим событиям.

ние им независимости или даже включение их в Коринфскую лигу, т. е. расширение эллинского государства. Политику Александра следует рассматривать и оценивать не с точки зрения идеологов панэллинизма или формально-юридических норм нынешнего международного права, а с точки зрения новой задачи, еще смутно, может быть, рисовавшейся Александру, — задачи создания мировой монархии.

Уже первый засвидетельствованный в надписи акт Александра отражает его позицию в вопросе об азиатских греческих городах. В приенской надписи 334 г. (OGIS, 1) приенцы объявляются «автономными и свободными», но это не означает независимости Приены, хотя бы в форме включения ее в Коринфский союз; Александр прямо заявляет, что *χωρά* — его собственность, и население *χωραι* должно платить *φόρος*; но город Приену он освобождает от *σύνταξις*, под которым, очевидно, разумеется подать, которую Приена платила персам. В сильно фрагментированной последней части надписи упоминаются *φροορά, δίκας, δικαστήριον*; повидимому, в указе Александра регулируются вопросы о гарнизоне и об организации суда. Мы видим, что не только свобода, но и автономия Приены довольно сомнительна. И тем не менее в другой надписи 334 г. — в честь Антигона (SIG³, 278) — Приена устанавливает у себя как бы новую эру — *αὐτονομίῳ ἐξυγῶν τῶν Πριηνέων* (ср. SIG³, 282).

Особый интерес представляет надпись из Хиоса (весна 332 г.), содержащая указ Александра. Хиос был освобожден после Граника, олигархи свергнуты. Но в 333 г. Мемнон отвоевал остров для Дария, а после смерти Мемнона остров оставался во власти Фарнабаза (Агр., II, 13, 5). Уже после битвы при Иссе Гегелох по поручению Александра осадил Хиос; в это время в городе произошли какие-то раздоры между олигархами и греческими наемниками; воспользовавшись этим, демократическая партия сдала город македонянам (Агр., III, 2, 3—4). Во время осады города Александр и издал свой эдикт (SIG³, 283): «При притане Дейситее от царя Александра народу хиосцев. Пусть все изгнанники из Хиоса возвратятся, а государственный строй в Хиосе да будет демократический (*πολίτευρα δὲ εἶναι ἐν Χίῳι δῆμον*). Пусть будут избраны номографы, чтобы они записали и исправили законы, чтобы не было ничего противоречащего демократии или возвращению изгнанников; написанные или исправленные (законы) представить Александру. Пусть хиосцы представят двадцать триер, снаряженных на их средства; пусть они плавают до тех пор, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами. Из лиц, предавших город варварам, кто успеет бежать, те пусть будут изгнанниками из всех городов, участвующих в мире (т. е. в Коринфской лиге), и пусть они подлежат выдаче согласно решению эллинов. А кто из них останется, тех представить на суд синедриона эллинов. Если возникнут какие-либо споры между вернувшимися и остающимися в городе, они должны разрешаться у нас. Пока хиосцы не поладят, пусть будет у них гарнизон (*φύλαχῆ*) от царя Александра, какой окажется достаточным; хиосцы должны его содержать». Из того, что о бегстве предателей или их пребывании в городе говорится в будущем времени, надо заключить, что указ Александра был издан и послан Гегелоху еще до взятия города, когда, следовательно, Александр был особенно заинтересован в расположении граждан. Между тем вторичное освобождение Хиоса не означает даже автономии; новые законы пишутся по указанию Александра и поступают к нему на утверждение; споры между вернувшимися изгнанниками и населением города решает Александр; под предлогом охраны порядка в городе остается гарнизон, который горожане обязаны содержать на свой счет; двадцать триер Хиос должен представить, повидимому, по обязанности члена Коринфской симмахии. Но и Коринфской лигой Александр распорядается по

своему усмотрению. Как мы знаем из А р р и а н а (III, 2, 5 сл.), Гегелох отправил захваченных олигархов Хиоса не на суд Лиги, а к Александру, который сослал их в Элефантину. Указ направляет на суд синедриона только незначительных сторонников олигархии, нашедших возможным оставаться в городе и после его занятия македонскими войсками. Бежавшие в пределы городов, входящих в Коринфскую лигу, объявляются ἀγώγμοι, но за пределами этих городов изгнанники, очевидно, находились в полном распоряжении Александра.

Митилена входила в состав Коринфской лиги. Но и здесь урегулирование споров между οἱ ἐν τῷ πόλει πρόσθε ἔοντες и οἱ κατεληλυθόντες совершается, как указано ἐν ταῖς διαλύσεσσι: ταῖς ὁ βασιλεὺς ἐπέκρινεν (OGIS, 2), т. е. споры между вернувшимися изгнанниками и местным населением разрешаются в соответствии с предписанием царя.

Завершением политики Александра по отношению к греческим городам был его знаменитый указ, оглашенный Никанором на олимпийских играх 324 г. «Царь Александр изгнанникам эллинских городов (ἐλλήνων πόλεων). В том, что вы в изгнании, мы неповинны. Но вашему возвращению, каждому на свою родину, мы будем причиной, за исключением подвергнувшихся проклятию. Мы написали Антипатру, чтобы он принудил те города, какие не захотят вернуть изгнанников» (D i o d., XVIII, 8). Известно, к каким тяжелым последствиям привело обнародование этого указа в Греции. Но, например, Тегея приняла его как должное. В надписи 324 г. (SIG³, 306) тегеаты пишут: Ἀλεξάνδρου, τὸ διάγραμμα γραφῆναι κατὰ τὰ ἐ-[παν]ρωσάτο ἅ πόλεις τὰ ἐν τοῦ διαγράματι ἀντιλεγόμενα τὸς φογάδης τὸς κατενόοντας τὰ πατρίδια κομίζεσθαι κτл. Тегейцы исправили свои законы, противоречившие διάγραμμα Александра, и получили, таким образом, что они возвращают изгнанников в соответствии со *своими* законами.

При таком отношении к установившейся власти македонского царя, ставшего владыкой мира, вполне понятно, что и диадохы, может быть, вполне искренне считали, что уважают свободу и автономию эллинских городов, хотя фактически с ними не считались; а, с другой стороны, города пишут о царе и его преемниках в тоне покорного раболепия, напоминая почетные декреты периода Римской империи. Интересна в этом смысле надпись из Нес в честь Терсиппа: когда после смерти Александра Филипп Аридей и Александр унаследовали престол, Терсипп, ἔων [τοῖς βασιλέσσι φίλος καὶ τοῖς στρατοῦχοις] καὶ τοῖς ἄλλοις Μακεδόνεσσι, оказал городу большие услуги, Ἀντιπάτρῳ γὰρ ἐπιτάξαντος χρήματα εἰς τὸν πόλεμον εἰσφέρειν πάντων τῶν ἄλλων εἰσφερόντων Θέρσιππος παραγεγόμενος πρὸς τοῖς βασιλέσσι καὶ Ἀντιπάτρῳ ἐκούφισσε τὰμ πόλιν, ἐπράξε δὲ πρὸς Κλεῖτιον περὶ τὰς εἰς Κύπρον στρατείας καὶ ἐ[κ] μεγάλας δαπάνας εἰς μῆτρον συνάγαγε. Здесь важно отметить, помимо раболепного тона по отношению к царям и стратегам, то обстоятельство, что и Антипатр и рядовые военачальники накладывают на свободные эллинские города военные налоги. Но это вполне соответствовало т о г д а ш н е м у понятию свободы и слагавшемуся н о в о м у типу господства.

Бикерман и вслед за ним Эренберг были бы вполне удовлетворены свободой греческих городов, если бы они были включены Александром в Коринфскую лигу; тогда все формально было бы правильно; но по существу это ничего бы не изменило. Свобода в системе эллинистической монархии имела иное значение, чем в системе эллинских полисов классического времени; задача эллинистических монархий в том и состояла, чтобы положить конец партикуляризму, ограниченности, раздробленности греческих полисов. Но то не была просто тирания, то было нечто совершенно новое; параллельно с падением независимости греческих городов шло втягивание в политическую жизнь, приобщение к эллинской культуре народов Вос-

тока. Политика Александра была гораздо величественней, чем это кажется с узко-эллинской точки зрения, или с точки зрения формально-юридической, не считающейся с конкретными историческими условиями. Древние авторы хорошо это понимали.

Александр, пишет Плутарх, «построив для варварских народов более семидесяти городов и рассеяв по Азии семена эллинских учреждений, поднял их над диким звериным образом жизни». «Ибо он прошел по Азии не как разбойник и не потому, что вознамерился захватить и набрать данную неожиданной удачей добычу и наживу, как впоследствии Ганнибал вторгся в Италию, а до того треры в Ионию и скифы в Мидию, но, желая, чтобы все люди на земле стали повиноваться одному разуму и одному государственному строю, он соответственно этому себя сформировал» (P l u t., de fort. Al., 5, 328 F; 7, 330 D.).

Мы не имеем прямых данных для суждения о тех сознательных целях, какие себе ставил Александр. Он не успел привести в порядок свою грандиозную державу, оставшуюся конгломератом различных племен и народов с различными формами политической и общественной жизни. Он не проводил последовательной политики во всех завоеванных областях; он сохранил храмовые территории и их систему управления, оставил у власти финикийских царьков, иерусалимскую иерократию и т. д. Но намеченная им только в самых общих контурах политика была продолжена его преемниками.

Мы не знаем тех 70 с лишком городов, которые, по словам Плутарха, построил Александр на Востоке, но Александрия и Ходжент, Кандагар и Герат существуют поныне и, главное, его строительство городов послужило примером для градостроительства диадохов—Селевкидов, Птолемея, Атталидов. В том и состоит величие Александра, что своей деятельностью он намечал пути для других поколений.

В своей политике по отношению к греческим городам Малой Азии Александр мог руководиться в каждом конкретном случае множеством разнообразных мотивов, в том числе случайных, личных, даже, может быть, мелочных. Но вся его политика в целом велась в направлении, объективно диктуемом условиями экономической общественной жизни того времени. Политика по отношению к Элладе и *ἑλληνίδες πόλεις* была одним из элементов, из которых создавался новый период в истории человечества — эллинизм.

